

Счастлиное освобождение

Когда вождь замолчал, он повернулся, чтобы выйти из помещения через дверь, у которой стоял я, мне нечего было больше ждать. Я слышал достаточно для того, чтобы прийти в ужас, потихоньку выскользнув, я вернулся во двор тем же путем, которым пришел. В одно мгновение у меня сложился план действий. Я пересек сквер и прилегающую к нему с противоположной стороны аллею и вскоре стоял во дворе Тал Хаджуса.

Яркий свет на первом этаже указал мне, куда, прежде всего, следует посмотреть; я подошел к окнам и заглянул внутрь. Вскоре я сообразил, что попасть туда для меня не так легко, как я надеялся, задние комнаты, примыкавшие ко двору, были полны солдатами и женщинами. Я мгновенно окинул взглядом верхние этажи и, заметив, что третий этаж не был освещен, решил проникнуть внутрь здания именно этим путем. Добраться до верхних окон было для меня делом минуты, и скоро я уже был в тени неосвещенного третьего этажа.

К счастью, комната, которую я выбрал, была нежилой, и бесшумно прокравшись в задний коридор, я заметил свет впереди меня. Добравшись ощупью до двери, я увидел, что там было помещение, служившее входом во множество внутренних комнат, и простиравшееся от первого этажа, который был двумя этажами ниже меня, купало подобного крову здания, возвышавшегося над моей головой. Нижний ярус этого обширного помещения, имевшего форму круга, был переполнен начальниками, воинами и женщинами; с одной стороны возвышалась большая платформа: на ней сидело самое отвратительное существо, которое я когда-либо видел.

У него были холодные, грубые, жестокие черты зеленого воина, но к ним присоединялся отпечаток низменных животных страстей, которым он много лет предавался. В его внешности не было и следа достоинства и чести: его чудовищное тело распласталось на платформе, он скорчился на ней, подобно какой-то громадной безобразной рыбе, в то время как шесть конечностей дрожали и мерно ударяли по платформе с ужасным, ошеломляющим однообразием.

Но зрелище, которое меня привело в ужас, были Дея Торис и Сола, стоящие перед ним; что-то дьявольское сверкало в его больших выпуклых глазах, когда он жадно уставился на прекрасную фигуру Деи Торис. Она что-то говорила, но я не мог расслышать ее, также как не мог понять и его ответа, который он пробормотал грубым голосом. Она стояла, выпрямившись перед ним, ее голова была гордо поднята и, даже на том расстоянии, на каком находился от нее я, можно было прочесть на лице презрение и отвращение, с которыми она устремила на Тал Хаджуса свой надменный взгляд, оставаясь все время спокойной, не обнаруживая признака страха. Она действительно была достойной дочерью тысячи джеддаков, каждым дюймом своего прекрасного, небольшого тела. Она была такой изящной, такой хрупкой среди толпы воинов, окружавших ее, но ее миниатюрность скрадывалась величию, которое в ней было. Она казалась среди них самым высоким, самым сильным существом, и я уверен, что они это чувствовали.

В это время Тал Хаджус сделал знак, чтобы комнату очистили и только пленники остались перед ним. Вожди, воины, женщины немедленно исчезли в тени окружающих комнат, Дея Торис и Сола остались одни перед джеддаком тарков.

Только один вождь колебался перед тем, как выйти; я видел, как он стоял один, в тени большой колонны, его пальцы нервно играли рукояткой его меча, а жестокие глаза с неукротимой ненавистью устремились на Тал Хаджуса. Это был Тарс Таркас, и я мог прочесть его мысли, как в открытой книге – по непритворному отвращению, видневшемуся на его лице. Он думал о

другой женщине, которая сорок лет тому назад так же стояла перед этими дверями. Сумей я сказать одно слово ему на ухо в тот момент – и с царствованием Тал Хаджуса было бы покончено; но, в конце концов, он удалился, не зная, что оставляет свою собственную дочь на милость самого ненавистного для него существа. Тал Хаджус встал, и я, испуганный, предвидя его намерения, поспешил по спиральному проходу, который шел с нижних этажей. Никто не помешал мне, и я добрался незамеченным до большой двери. Я поместился у той самой колонны, в тени которой только что скрывался Тарс Таркас. Когда я добрался до двери, Тал Хаджус говорил:

– Принцесса Гелиума, я мог бы потребовать огромный выкуп от вашего народа с тем, чтобы вернуть вас целой и невредимой, но я в тысячу раз предпочту удовольствие наблюдать, как это прекрасное лицо исказится в агонии пытки; я обещаю вам, что это будет длиться долго. Десять дней этого удовольствия было бы слишком мало, чтобы выказать любовь, которую я питаю к вашей расе. Ужасы вашей смерти будут тревожить сны красных людей всех будущих поколений, они будут бояться ночных теней после отцовских рассказов о страшной мести зеленых, о силе, мощи, ненависти и жестокости Тал Хаджуса. Но перед пыткой вы станете моею на один краткий час, и весть об этом дойдет до Тардос Морса, джеджака Гелиума, вашего деда – пусть он катается по земле в отчаянии. Завтра начнется пытка. Сегодня ты принадлежишь Тал Хаджусу. Идем!

Он спрыгнул с платформы и грубо схватил ее за руку, но едва он дотронулся до нее, как я оказался между ними. Мой кинжал, острый и блестящий, был в моей правой руке; я мог бы погрузить его в это гнилое сердце, прежде чем он понял бы, кто перед ним, но, когда я поднял руку, чтобы нанести удар, то подумал о Тарс Таркасе, и при всем моем гневе, при всей моей ненависти, я не смог украсть у него тот сладостный миг, надеждой на который он жил все эти долгие, тягостные годы. И, вместо того что бы убить, я изо всей силы ударил его кулаком прямо в челюсть. Он опустился на пол без крика, как мертвый.

В том же мертвом молчании я схватил Дею Торис за руку и жестом указал Соле следовать за нами, бесшумно прокрался из комнаты на верхний этаж. Незамеченные, мы достигли заднего окна, и при помощи помочей и ремней от сбруи спустил на землю сначала Солу, а потом Дею Торис. Легко соскользнув вслед за ними, я быстро протащил их вдоль двора, все время, оставаясь в тени зданий, и таким образом мы вернулись на тот самый путь, которым я так недавно попал сюда из дальнего предела города.

Наконец, мы добрались до моих тоттов; они стояли на том дворе, где я их оставил. Взнуздав их, мы торопливо вышли через здание на улицу. Я усадил Солу на одного тотта, сам вскочил на другого, а Дею Торис поместил позади себя, и мы выехали из города тарков, направляясь по холмам на юг.

Вместо кружной дороги вокруг города, ведущей на северо-запад к ближайшему водному пути, который лежал на таком коротком расстоянии от нас, мы повернули на северо-восток и пустились пересекать мшистую пустыню, где на расстоянии опасных и утомительных миль протекала другая большая артерия, ведущая в Гелиум.

Мы не сказали друг с другом ни слова, пока город не остался далеко позади, но я слышал тихие рыдания Деи Торис, которая прислонилась к моему плечу своей милой головкой.

– Если вам это удастся, мой вождь, то долг Гелиума перед вами будет огромен – больше, чем он сможет когда-либо вам заплатить; ну, а если это вам не удастся, – продолжала она, – долг будет не меньше, хотя Гелиум никогда не узнает, что вы спасли последнюю из его рода от участи, худшей, чем смерть.

Я не ответил, но тоже наклонился и сжал маленькие пальцы той, которую любил; они тотчас же ответили на пожатие, как, будто ища поддержки. И так, в молчании, мы ехали по желтому, освещенному луной мху. Каждый из нас был занят своими мыслями. Что касается меня, я не мог не радоваться, ощущая, как теплое тело Деи Торис касается моего, и, несмотря на все предстоящие нам опасности, мое сердце пело так весело, как, будто мы уже вошли в заставы Гелиума.

Наши первоначальные планы так безнадежно не удались, что мы оказались теперь без продуктов и питья, и один только я был вооружен. Поэтому мы изо всех сил понукали наших животных, а это должно было изнурить их прежде, чем мы могли добраться до конца первого переезда нашего путешествия.

Мы ехали всю ночь и весь день, останавливаясь только на короткое время. Во вторую ночь и мы, и наши животные были совершенно измучены; мы опустились на мох и заснули на какие-то пять-шесть часов с тем, чтобы продолжать путешествие задолго до рассвета. Весь следующий день мы ехали, и когда поздно вечером мы не увидели впереди больших деревьев – признака большого водного потока – ужасная истина блеснула перед нами: мы заблудились! Очевидно, мы кружили, по какой-то дороге, – трудно сказать; ориентироваться по солнцу днем и луне вечером оказалось невозможно. Во всяком случае, мы не видели никакой реки, и все участники путешествия были готовы упасть от голода, жажды и усталости.

Далеко впереди и немного направо мы могли различить очертания невысоких гор; мы решили попытаться достичь их в надежде, что с какой-нибудь вершины увидим реку, которую потеряли из виду. Ночь накрыла нас прежде, чем мы достигли цели, и почти в обмороке от усталости и истощения, мы легли на землю и заснули.

Я проснулся рано утром оттого, что какое-то большое тело прижалось ко мне, и, открыв в испуге глаза, я увидел моего старого милого Вулу, плотно прижимавшегося ко мне; верное животное следовало за нами сквозь всю бездорожную пустыню, чтобы разделить нашу участь, какой бы она ни была. Положив руки ему на затылок, я прижался к нему щекой, и не стыдился ни того, что делаю это, ни слез, которые выступили из моих глаз, когда я подумал о его любви ко мне. Немного спустя, проснулись Дея Торис и Сола, было решено, что мы еще раз попытаемся достигнуть холмов.

Мы прошли едва одну милю, когда я заметил, что мой тот начинает спотыкаться и останавливаться, хотя мы и не понукали его, как накануне. Вдруг он как-то странно наклонился на одну сторону и тяжело рухнул на землю. Дея Торис и я, были сброшены, упав на мягкий мох. Бедное животное было в плачевном состоянии, оно даже не могло встать, хотя и освободилось от нашей тяжести. Сола сказала, что ночная свежесть вместе с отдыхом должны оживить его, я решил не убивать его, как уже было, собрался, потому, что находил жестоким оставить его одного умирать от голода и жажды.

Освободив от сбруи, которую бросил около него, я предоставил бедное животное его участи и постарался обойтись одним тотом. Сола и я пошли пешком, предоставив Дее Торис ехать на тоте, против чего она сильно протестовала. Этим путем мы приблизились на расстояние почти мили до холмов и прилагали все усилия, чтобы добраться до них, когда Дея Торис крикнула, что она видит множество всадников, которые скачут по проходу между холмами, несколькими милями дальше. Сола и я посмотрели по направлению, которое она указала, и мы ясно различили там несколько сот конных воинов. Они, казалось, двигались в юго-западном направлении, которое отдаляло их от нас.

Мы могли видеть, как они скачут по проходу в течение некоторого времени, прежде чем

исчезнуть из виду позади вершин холмов, спасительных для нас; мы видели их в течение еще долгого времени, но они нас не замечали.

Последний воин на наших глазах приблизился к проходу, остановился и, к нашему ужасу, поднес к глазам небольшой полевой бинокль, принялся осматривать долину, открывавшуюся во всех направлениях. Очевидно, это был предводитель, так как в некоторых отрядах зеленых людей предводитель всегда находится в последнем ряду колонны. Когда его бинокль заколебался перед нами, наши сердца остановились в груди, и я почувствовал, что холодный пот выступает из каждой поры на моем теле.

Вот он направил его на нас – и остановился. Напряжение наших нервов дошло до крайних пределов; я сомневаюсь, дышал ли кто-нибудь из нас в те долгие минуты, когда он наводил на нас свой бинокль. Затем он опустил его. Мы видели, как он скомандовал воинам, которые прошли на наших глазах на другую сторону горной цепи. Однако он не подождал, пока те догонят его. Он повернул своего тота и, как безумный, во весь опор понесся нам навстречу.

Оставался один слабый шанс на спасение, и надо было скорее его использовать. Подняв мою странную таранскую винтовку на плечо, я приложился и тронул кнопку, которая контролирует собачку; раздался оглушительный взрыв – металлический снаряд достиг своей цели, и нападающий упал навзничь со своего бегущего тота.

Вскочив на ноги, я заставил тота встать и приказал Соле сесть на него вместе с Деей Торис и приложить все усилия, чтобы достичь холмов прежде, чем зеленые приблизятся. Я знал, что в оврагах и рытвинах они смогут найти временное убежище, и даже думал, что, если они умрут там от голода и жажды, это будет лучше, чем попасть в руки тарков. Передав им два моих пистолета, не столько для защиты, сколько для того, чтобы избавиться от ужасной смерти, которой грозил повторный плен, я поднял Дею Торис на руки и посадил ее на тота позади Сола, которая сейчас же, по моему приказанию, села верхом.

– До свидания, принцесса! – прошептал я. – Мы еще встретимся в Гелиуме. Я выпутывался из худших положений, чем это.

Я попробовал улыбнуться, как будто был спокоен.

– Как! – вскричала она. – Вы не пойдете с нами?

– Как я могу сделать это, Дея Торис? Кто-нибудь должен задержать этих молодцов на минутку, а я легче ускользну от них один, чем мы могли бы сделать это все вместе.

Она спрыгнула с тота и, обвив свои руки вокруг моей шеи, повернулась к Соле и сказала со спокойным достоинством:

– Беги, Сола! Дея Торис останется умереть с тем, кого она любит.

Эти слова запечатлелись в моем сердце. Ах! Охотно отдал бы я тысячу раз мою жизнь, чтобы только услышать их опять; но у меня не было даже и одной секунды, чтобы почувствовать радость ее объятий; прижав в первый раз свои губы к ее губам, я поднял и опять вскинул ее на сиденье, позади Сола, приказав последней, непреклонным тоном, удерживать ее силой. Затем я ударил тота в бок, и он понесся. Я видел, как Дея Торис силилась освободиться от объятий Сола.

Обернувшись, я увидел зеленых воинов, скачущих по горному хребту к своему предводителю. В одно мгновение они увидели и его и меня, но едва они заметили меня, как я открыл стрельбу,

лежа на животе во мху. Я имел в запасе целую сотню патронов в сумке у ружья, и другую в поясе за спиной, и поддерживал непрерывный огонь, пока не увидел, что все воины, которые первыми вернулись из-за другой стороны хребта, были мертвы или позорно прятались.

Мой отдых был недолог, так как вскоре показалась часть, численностью в несколько сот человек; она направлялась ко мне бешеной рысью. Я стрелял, пока снаряды не истощились и враги почти настигли меня; быстрый взгляд показал мне, что Дея Торис и Сола исчезли среди холмов; я вскочил, таща за собой бесполезное ружье, и отправился в направлении, противоположном тому, где скрылись Сола со своей спутницей.

Если тарианцы имеют какое-нибудь представление о скачках, то оно было получено этими изумленными воинами именно в тот день, много лет тому назад. Хотя я и вел их, но направлению, прямо противоположному тому, где была Дея Торис, это не отвлекло их от страстного желания поймать меня.

Они яростно гнались за мной. Когда я увидел их совсем близко, вытащил свою саблю, желая продать жизнь как можно дороже, но это было уже слишком. Я пошатнулся под их ударами, которые посыпались на меня настоящим потоком; голова моя закружилась, все потемнело, и я упал в беспамятстве.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/497695>